

в главе недостаточно подробно сказано о сортах винограда и районах их распространения в средневековом Азербайджане.

Рецензируемая работа является серьезным и важным исследованием, которое убеждает, что земледелие занимало главное место в жизни населения древнего и средневекового Азербайджана. Однако следует отметить, что значительные и ценные в познавательном отношении выводы автора выиграли бы, если бы к работе были приложены столь необходимые, на наш взгляд, карты. Очень жаль, что отсутствует даже небольшое резюме на русском языке, — это расширило бы круг читателей книги. Было бы желательно, чтобы в дальнейшем, продолжая заниматься историей сельского хозяйства, автор уделил внимание шелководству и цитрусовым. Наконец, необходимо более тщательно выверить ссылки и список литературы на иностранных языках, искаженные в книге до неузнаваемости.

Можно привести еще немало примеров, характеризующих книгу с положительной стороны, и указать на другие ее недостатки. Но главное заключается в том, что Т. А. Бунятов завершил исследование, являющееся результатом его многолетних и нелегких изысканий и заполняющее один из весьма заметных пробелов в этнографическом изучении Азербайджана. Оно послужит не только этнографам, но также историкам и всем изучающим историю сельского хозяйства. Книга является примером успешного и плодотворного соединения археологических, исторических и этнографических источников для комплексного решения подобных вопросов.

Ш. Гулиев,
А. Трофимова

К. Т. Каракашлы. *Материальная культура азербайджанцев Северо-Восточной и Центральной зон Малого Кавказа*. Баку, 1964, 280 стр.

В последние годы азербайджанскими этнографами опубликован ряд монографий по отдельным вопросам культуры и быта населения Азербайджана в различные периоды истории¹. Однако до сих пор не было обобщающего труда о материальной культуре и быте обитателей Азербайджана. Этот пробел в значительной степени восполняется рецензируемой работой К. Т. Каракашлы, являющейся первым обобщающим историко-этнографическим исследованием материальной культуры. Автор использовал не только собранный им полевой этнографический материал, но и данные письменных источников, археологии.

Работа посвящена исследованию материальной культуры, главным образом, айрумов — этнографической группы азербайджанского народа, говорящей на западном диалекте азербайджанского языка и обитающей в горных зонах Малого Кавказа. Автор подверг исследованию Кельбаджарский, Шаумянский, Ханларский, Кедабекский районы, горные зоны Казахстана и несколько селений Армянской ССР, где айрумы живут в соседстве с народами иной этнической и языковой принадлежности. В этих районах ныне имеется более 15 айрумских поселений.

Исследование охватывает период XIX — начало XX в. В это время в культуре и быте айрумов сохранились отдельные черты прошлого, которые частично исчезли в наше время. Надо отметить, что материальную культуру айрумов нельзя целиком считать азербайджанской. У азербайджанцев, особенно в низменных районах, уже в древности и средние века была сравнительно высокая культура, развивались ремесло, торговля, земледелие. Горные же районы, где живут айрумы, в течение долгого времени сохраняли архаические черты в хозяйстве и быте.

Название работы несколько шире ее содержания: в работе речь идет не обо всех жителях исследуемых районов, а лишь об айрумах. Однако некоторые формы ведения хозяйства айрумов, рассмотренные автором, присущи не только всем азербайджанцам, но в немалой степени и другим тюркским, иранским и кавказским народам Закавказья и Передней Азии: например, отгонное скотоводство, изготовление молочных продуктов, отдельные виды одежды, способ пахоты и жатвы и т. д. В этом смысле материалы автора отражают в известной степени жизнь всего населения Азербайджана.

Работа состоит из введения, дающего представление об истории вопроса, а также общие сведения об айрумах; шести глав и заключения, суммирующего основные положения автора.

В первой главе (стр. 22—122) рассматриваются поселения и постройки, начиная с древнейших видов жилищ — пещер до современных жилых домов. Автор дает их полное описание, подробно останавливается на отопительном устройстве (оджак, печь-яма, камин, тендир). обстоятельно описаны им и типы поселений. Характеристику сыгыр-

¹ Т. А. Бунятов, *История развития земледелия в Азербайджане*, Баку, 1964 (на азерб. языке); М. Н. Насирли, *Сельские поселения крестьянского жилища Нахичеванской АССР*, Баку, 1959.

хана (стр. 48), ятаг (стр. 49), бина (стр. 49—50), архач (стр. 52—53) вряд ли, на наш взгляд, целесообразно рассматривать в разделе о типах поселения, поскольку они были местами для держания скота и, как прежде, так и сейчас, не являются поселениями в прямом смысле этого слова. Вызывают интерес легенды, бытующие среди населения. Автор не просто пересказывает эти легенды, а стремится найти их корни, выяснить их происхождение, приводит аналогичные явления из эпоса других народов, мимоходом касаясь вопроса о тюркизации края, которую, кстати, правильно относит к периоду за несколько столетий до проникновения сельджуков в Закавказье.

Вторая глава (стр. 123—182) посвящена одежде и украшениям. Айрумская одежда, составляющая часть азербайджанской, имеет некоторые особенности и местные вариации. К. Т. Каракашлы показывает, что одежда айрумов находит аналогии у других народов Кавказа, а также у народов Передней и Средней Азии, Сибири, Поволжья. Автор справедливо считает эту одежду типичной для людей, ведущих кочевой образ жизни (стр. 131—133). Сохранение же ее в оседло-земледельческой среде показывает, что она соответствовала тем новым хозяйственным занятиям, которые стали основными у бывших кочевников.

В третьей главе (стр. 182—217) дается подробная характеристика домашней промышленности и ремесла. Автор описывает изделия из шерсти, кожи, дерева и камня, технологию производства. Приведенные материалы, особенно в этой главе, показывают, насколько устойчивы были черты кочевого образа жизни у населения исследуемой территории.

Глава четвертая (стр. 218—230) посвящена транспорту и средствам связи. Издавна одной из причин, задерживающих культурное развитие населения горных районов, было отсутствие дорог, регулярно связывающих эти районы с низменностью, торгово-ремесленными городскими центрами. Отрыв от городов и земледельческих районов обусловил длительное сохранение у айрумов элементов кочевой жизни, которые в настоящее время частично исчезли благодаря интенсивной связи горных районов с промышленными и культурными центрами.

В пятой главе речь идет о пище. В пищевом рационе айрумов основное место занимают молочные продукты (стр. 231—249). Автор подробно рассказывает о различных блюдах, приготовляемых из молочных продуктов (можно было назвать еще «гуруд-ашы» или «келеджош», готовящиеся из высушенного айрана — остатка сбитого масла).

Глава шестая (стр. 254—271) рассказывает о пережитках древнего института взаимопомощи, а также о видах повинностей, отработываемых крестьянами для беков (стр. 269). Отметим, что вид взаимопомощи — алышма — не всегда предполагал возмещение убытков хозяину погибшего животного, как полагает автор (стр. 258). В настоящее время посредством алышма распределяют мясо зарезанного животного среди определенной группы людей, которые взамен платят владельцу животного деньги, или дают продукты. Фактически это одна из форм торговли, а в далеком прошлом, вероятно — форма обмена.

Такова краткая поглавная оценка книги. Хочется отметить обилие фактического материала, которым автор свободно оперирует. Выводы автора, как правило, хорошо аргументированы и потому убедительны. Несмотря на большие достоинства работы, в ней имеются отдельные положения, требующие, на наш взгляд, дополнительной аргументации, а также некоторые неточности. Позволим себе указать на них.

О типе поселения *обá* К. Т. Каракашлы пишет (стр. 44): «Этимология и семантика термина *обá* (в местном произношении ова) еще окончательно не выяснены как в историко-этнографической, так и в лингвистической литературе»². Однако ведь слово *обá* в языке огузских племен, как свидетельствует Махмуд Кашгарский, означало «племя», на что, впрочем, указывает и К. Т. Каракашлы (стр. 44, прим. 110). Следовательно, этимологически оно восходит к тюркским языкам, а семантически — имело значение «племя». Остальные значения слова *обá* являются вторичными, возникшими в различных условиях. И далее: «В Азербайджане обычно слово *обá* обозначает населенное место и почти всегда идентифицируется с понятием *кэнд* — селение» (стр. 44). Это не совсем так. У азербайджанцев *обá* не обозначает постоянного селения и не может быть отождествлено с ним. *Обá* возникает лишь в весенне-летний период в связи с перекочевкой населения на *яйлаг* — летние пастбища и перестает существовать, когда кочевье возвращается в деревню. В этой связи вспомним стихотворение азербайджанского поэта Аббаса Сиххата:

Јенә кәлди јаз чағы,
көчүр оба јайлаг, а³

Опять наступила весна
Кочует на *яйлаг* *обá*

² Поскольку язык айрумов — один из диалектов азербайджанского, подавляющее большинство терминов у айрумов и азербайджанцев аналогичны, и в их употреблении нет существенного различия. Поэтому термины, приводимые автором в работе, следует рассматривать с точки зрения азербайджанского языка.

³ Здесь и дальше транскрипция дается на основе азербайджанской графики, если примеры приводятся из источника на азербайджанском языке.

Здесь основное значение слова *оба* — «племя» сохранено. Достоин внимания и выражение «ел-оба көчур» — «Кочует край-оба». Слово *ел* в древнетюркских языках означало «народ»⁴, что в определенной степени перекликается с первоначальным значением *оба* «племя». Значит, в приведенном выражении отложилось древнее понятие, т. е. «кочует народ (и) племя». Как видно, применение слова *оба* приближается к древнему его значению, поскольку *оба* у азербайджанцев является людской частью деревни, обосновавшейся на летних пастбищах. Дело в том, что на яйлаги поднималась не вся деревня, а часть ее, оставшиеся были заняты сельскохозяйственными работами. Поэтому мысль автора, что *оба* является *гышлагом* (стр. 51), т. е. селением, не соответствует действительности. Возможно, его навели на эту мысль названия некоторых крызских и лезгинских поселков, содержащие слово *оба* (стр. 47). Так у крызов — представителей иберийско-кавказской семьи языков — названия отдельных деревень состоят из собственного имени (вероятно, ее основателя) и слова *оба* — например, Шариф-оба, Наги-оба и т. д. (стр. 47). Население этих *оба* когда-то жило в сел. Крыз, от которого оно впоследствии отделилось. Лезгинские *оба* первоначально также были частью селения (кенд); так, Ясаб-оба — выдел из Ясабенда, Хырах-оба — из Хыракенда. Во всех этих случаях слово *оба* содержит понятие, связанное с людьми, а не с местом. Лишь попадая на другую языковую почву, *оба* внешне теряет свое первичное значение и приобретает новое, обозначая постоянное местожительство.

Есть неточности в характеристике «архаджа» — места, где стадо отдыхает (стр. 52). Однако если архадж находился в самой юрте, где оседала *оба*, то мелкий скот пригонялся туда для удоя. Скот «отдыхал и отлеживался» в основном на архаджах, расположенных в районе пастбищ. Были и архаджи недалеко от деревни, но они пустовали зимой, поскольку скот в холодные дни держали в загонах или хлеве в самой деревне. В отличие от архаджа, *сыгырхана* и *ятаг* являются местами зимнего содержания скота. Находясь на близком расстоянии от деревни, они по сути дела были зимними помещениями для скота. По мнению автора, *сыгырхана* и *ятаг* обязательно связаны с пастбищем (стр. 49), однако ниже (стр. 51) он их считает *гышлагом*, но не делает четкого различия между ними и жилыми поселениями; лишь на странице 53 автор с оговоркой пишет, что «конечно, *сыгырхана* и *ятаг* нельзя считать поселением в общепринятом смысле». Во избежание путаницы следовало бы четко разграничить помещения для скота и поселения.

К обстоятельной характеристике типов жилищ добавим лишь, что *алачуги* по форме обнаруживают поразительное сходство с жилыми помещениями круглой формы, распространенными на Шому-тепе в Казахском районе, и относящимися к V—IV тысячелетиям до н. э.⁵ Значит, постройки типа *алачуг* на территории Азербайджана имеют очень древние аналоги как раз в районе расселения айрумов. Постройки на Шому-тепе связаны между собой узкими проходами, напоминающими айрумские коридоры *hojuлу*. Вряд ли последние можно принять за архаическую черту патриархально-родовых отношений, как это делает автор (стр. 95). Не являются ли древние постройки на Шому-тепе прототипом современных *алачугов*? Из-за отсутствия фактического материала нельзя связать айрумов непосредственно с древнейшим населением Шому-тепе.

В работе имеется описание *тендира*, издревле служившего для выпечки хлеба и характерного для оседлого населения, например, ассирийцев — древних земледельцев Передней Азии⁶. Отсутствие *тендира* у айрумов может указывать на то, что в далеком прошлом они вели кочевой образ жизни. Все материалы, собранные автором, подтверждают это. *Тендир без кульфы* — поддувала — не совсем удобен. Автор же наличие *кульфы* объясняет так: «тендир, как и бухары, в основном топится кизьяком, что, очевидно, обусловило проведение от уровня пола к основанию *тендира* узкого прохода (канала) в виде трубы для подачи воздуха к месту разжигания огня» (стр. 91). Однако первое неверно; *кульфа* была приспособлена к *тендиру* не потому, что он топится кизьяком, а потому, что, как и полагает затем автор, она служила для прохода воздуха. Далее: «Когда огонь разгорится, отверстие закрывают тряпкой или чем-нибудь другим» (стр. 92). Но если поступить так, как рекомендует автор, прекратится подача воздуха и *тендир* начнет плохо гореть, коптить, а края его не будут достаточно нагреваться для выпечки хлеба. Отверстие, как правило, закрывается тогда, когда кизьяк догорает. Это делается для того, чтобы тепло как можно дольше оставалось в *тендире*, и выпечка хлеба происходила при надлежащей температуре.

⁴ См. С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, М.—Л., 1959, стр. 94.

⁵ И. Г. Нариманов, Археологические исследования поселения Шому-тепе в 1953 г., «Археологические исследования в Азербайджане» (сборник статей), Баку, 1965, стр. 46—47. Помещения, круглые в плане, были в древности распространены на Ближнем Востоке.

⁶ Об ассирийском *тендире* см.: A. Salonen, Die Öfen der Alten Mesopotamier, «Baghdader Mitteilungen», Bd. 3, 1964, стр. 100.

Материалами К. Т. Каракашлы, как он сообщает, не подтверждаются положения Н. И. Лебедевой и Н. П. Милонова⁷ о том, что «соединение жилого дома с помещением для скота — явление позднего времени». «...Даже при наличии общинных пастбищных угодий и яйлагов, население держало скот при себе — хозяйственные помещения пристраивались к жилому дому. Отделение последнего от помещения для скота происходило постепенно, в зависимости от характера социально-экономической жизни и степени культурного развития населения. Совершенное же отделение жилого дома от помещения для скота, а тем более появление отдельных дворов для животных — явление более позднего времени» (стр. 98).

На наш взгляд, наличие скота в жилом помещении объясняется живучестью обычая держать скот в жилище, своеобразием хозяйства, климатическими условиями и экономическими возможностями для постройки отдельного помещения для скота. У скотоводов, имеющих много голов скота, должны были существовать отдельные помещения, если климатические условия требовали этого. Но люди победнее, имевшие лишь по несколько животных, предпочитали держать их в жилом помещении. К тому же надо учесть, что скот находился в жилище только зимой и это был один из способов «оталивания» жилья.

Далее, разделение хлева на *гоюн дамы*, *гузулух* и *коровник* вряд ли нужно рассматривать только как признак развития хозяйства (стр. 96). Это разделение происходит оттого, что крупному и мелкому скоту нельзя находиться в одном помещении. Да и *гузу* (ягненок) и *гоюн* (овцу) до определенного времени надо было держать раздельно, чтобы избежать потери молока овцой.

Как правильно толкует автор, *мехле* обозначает «квартал», но непонятно, почему он отождествляет его с *həjət* — двор (стр. 96, примеч. 199). По автору, айрумы понятие двор передают словом *ешик* (наружу). Это обстоятельство он объясняет «отсутствием на начальной стадии развития айрумских поселений (когда господствовала общинная собственность на землю), огороженных постройками или заборами дворов» (там же). Вряд ли есть основания, исходя лишь из употребления слова *ешик* у айрумов, — впрочем, оно сохранилось у всех азербайджанцев и является синонимом слов *байыр* и *дышары* (наружу), предполагать отсутствие у них ограждений в период существования общинной собственности. Дом с двором, а в зависимости от географического расположения — и с ограждениями всегда мог существовать, а основные земельные наделы общины находились за пределами жилищ общины. Что же касается слова *ешик*, то исторически оно означает просто «дверь», например, в кыпчакских языках (*esik* «дверь») ⁸. Первоначально *ешијə чыхмаг*, вероятно, означало «выходить за двери», откуда и пошло значение «наружу» в огузско-сельджукских языках.

К. Т. Каракашлы, на наш взгляд, допускает неточность, когда слово *оджак* объясняет как «огонь» (стр. 110). *Очаг галамаг* не означает просто «развести огонь», как полагает автор, а «развести огонь в оджаге», так же как *тəндир галамаг* — «развести огонь в тендире» ⁹. Поэтому можно говорить лишь о формальном соответствии понятия *оджак* с огнем, но не об их семантической однозначности. Автор правильно считает, что «очаг — широкое понятие — это семья, род, племя» (стр. 111). Однако все это различные вариации, восходящие к древнейшему его значению, когда уже соответствующий комплекс с огнем назывался *оджагом*. Автор справедливо опровергает мнение, связывающее *оджак* и *баджа* (отверстие в доме) с тотемистическими или анимистическими пережитками, что свидетельствует, как пишет он, об излишнем увлечении всякими культами и религиозными догмами, затуманивающими действительные причины (стр. 121, 122). *Оджак* и *баджа* возникли не на основании каких-то религиозных представлений, а вследствие практических потребностей древнейшего населения.

Добавим, что легенды о камнях, приводимые автором (стр. 113), бытуют также среди азербайджанцев, живущих в Араратской долине (Армянской ССР). На склонах между Малым и Большим Араратом (Агры даг) издавна виднеются большие камни, которые с советского берега Аракса кажутся верблюдами, с погонщиком. Подобные легенды, обычно, имеют локальное значение.

Раздельную трапезу мужчин и женщин (стр. 250) вряд ли можно рассматривать как пережиток первобытной культуры; она имела место среди всех азербайджанцев, и в определенной степени связана с догмой мусульманской религии.

В работе встречаются отдельные неудачные формулировки. Например, автор пишет: «Собранные нами материалы и некоторые документы показывают, что жизнь айрумов на склонах Малого Кавказа началась с семейной общины с нераздельным имуществом и обязательным участием в производстве всех членов семьи. За семейной общиной, т. е. патриархальной семьей, следует индивидуальная семья, приведшая к раз-

⁷ Н. И. Лебедева, Н. П. Милонов, Типы поселений Рязанской области, «Сов. этнография», 1950, № 4, стр. 112.

⁸ Н. А. Баскакова, Состав лексики каракалпакского языка и структура слова, Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, IV, М., 1962, стр. 72.

⁹ Ср. также выражение «тонгал галамаг» — «развести огонь в костре».

делу семейного имущества и выделению семей в индивидуальные хозяйства» (стр. 268). Но ведь не индивидуальная семья приводит «к разделу семейного имущества», а имущественная дифференциация, появившаяся в семейной общине, приводит последнюю к распаду и образованию индивидуальных или малых семей.

И далее: «Постепенно с разрастанием отдельных хозяйств общинно-хозяйственная связь между ними вливается в новую форму — в сельскую общину, основанную первоначально на принципе кровного родства» (стр. 268). Опять-таки мысль автора не совсем понятна. Что подразумевается под разрастанием «отдельных хозяйств» — семейная община, т. е. большая семья, или малая семья? Известно, что в период разложения первобытнообщинных отношений «разделившиеся малые семьи в свою очередь сохраняют в некоторых отношениях и формах общность и связь, общее владение и пользование некоторыми видами земли и другим имуществом»¹⁰, чего нельзя наблюдать в сельской общине, где раздел земли прекращал имущественные связи. Кроме того, вопреки мнению автора, сельская община «была первым социальным объединением свободных людей, не связанных кровными узами»¹¹.

На наш взгляд, следовало бы подробнее остановиться на происхождении айрумов, тем более, что по этой проблеме высказывались разные мнения. К сожалению, К. Т. Каракашлы ограничился лишь общими высказываниями, оставляя разработку этого вопроса на будущее¹².

Завершая наше ознакомление с книгой, надо отметить, что автор проделал большую, кропотливую и полезную работу. Имеющиеся недостатки не умаляют значения этого ценного этнографического исследования. Выход работы К. Т. Каракашлы является отрадным явлением в советской этнографии.

Ю. Юсифов

¹⁰ М. О. Косвен, Семейная община и патронимия, М., 1963, стр. 69.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 27, 1935, стр. 694.

¹² Автор пишет на стр. 66 рецензируемой работы (примеч. 33), что им подготовлена специальная статья «К вопросу о происхождении айрумов».

Д. Вардумян, Э. Карапетян. *Семья и семейный быт колхозников Армении*, Ереван, 1963, 126 стр. (на армянском языке).

Рецензируемая книга (отв. ред. К. В. Мелик-Пашаян) является первым обобщающим трудом, посвященным исследованию изменений, происшедших в семье и семейном быте сельского населения Армении за годы Советской власти.

Работа написана на основе полевого этнографического и архивного материалов, с использованием обширной историко-этнографической литературы по семье и семейным отношениям армян дореволюционного периода.

Следует сразу же отметить, что содержание книги значительно шире ее заглавия. Авторы рассматривают не только современную колхозную семью, но, пользуясь ретроспективным методом исследования, раскрывают и основные черты предшествующих форм семьи, характер семейных отношений, что помогает читателю получить более полное представление о тех коренных изменениях, которые произошли в армянской деревне и сельской семье за годы социалистического строительства.

Работа состоит из предисловия, пяти глав и резюме на русском языке.

В предисловии авторы отмечают, что новые черты, характерные для советской семьи, по своей сущности едины для всех народов нашей страны (поскольку формируются они в общем процессе социально-экономического, политического и духовного роста советского общества), проявляются в быту и семейных отношениях в различных формах, соответственно национальным особенностям и историческому прошлому каждого народа.

Учитывая, что различия географических условий, климата и историко-культурных традиций так или иначе придают семье и семейным отношениям в разных районах Армении специфические черты, авторы выделяют три физико-географические зоны — равнинную, предгорную и горную, в каждой из которых были обследованы группы сел, причем для полноты картины изучались и передовые, и отстающие хозяйства.

Думается, что выделение этих трех зон этнографически оправдано, хотя и в известной мере условно, поскольку социалистические преобразования с каждым годом все больше и больше стирают традиционные различия между хозяйствами указанных зон.

Рассматривая предшествующие формы семьи авторы совершенно справедливо указывают на преобладание малой семьи в армянской деревне в конце XIX — начале XX в. Однако, ссылаясь на тот факт, что в ней (малой семье) очень сильны еще традиции большой патриархальной семьи (гердастана) и она по своим внутренним особенностям была патриархальна, авторы считают, что малая семья находилась в зачаточном состоя-